

**ПРАВОСОЗНАНИЕ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА НАРОДА
КАК ФАКТОРЫ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ПРАВОПОРЯДКА:
АВТОРСКИЙ ВЗГЛЯД НА ТЕОРИЮ И ПРАКТИКУ**

© 2020 г. Н. М. Добрынин

*Институт государства и права Тюменского государственного университета;
Тюменский научный центр Федерального исследовательского центра РАН, г. Тюмень
E-mail: belyavskaya@partner72.ru*

Аннотация. В работе рассматриваются сущностные характеристики современного российского конституционализма как комплексного социокультурного явления, лежащего в основании правовой среды конституционного правления в государстве. Автор выделяет ряд характерных черт и факторов, определяющих облик современного российского конституционализма, подчеркивая, что серьезными препятствиями на пути дальнейшего правового развития страны являются внешние вызовы, деформация массового правосознания в российском обществе, чрезмерное бюрократичивание аппарата публичной власти. Автор делает вывод, что недостатки современного российского конституционализма имеют в России онтологические основания и, в определенном смысле, подпитываются так называемым национальным духом. Отсюда все сложности в их искоренении. В этой связи в работе формулируется мысль о том, что изменение качества российского конституционализма сегодня не может быть само по себе связано с полномасштабной ревизией норм Основного закона страны.

Abstract. The research contains the analysis of the existential traits of contemporary Russian constitutionalism as a complicated socio-cultural phenomenon providing for the fundamentals of the legal environment of constitutional governance in our country. Author highlights a number of specific features and factors which have a significant impact on the figure of contemporary Russian constitutionalism as well he also underlines that the most severe obstacles in the way to legal modernization of Russia are the global challenges, the distortion of the mass legal consciousness, and the excessive bureaucracy within the public authority's institutions. Author makes the conclusion that the shortcomings of contemporary Russian constitutionalism have ontological roots and in a certain meaning are being supported by the national mentality. It is the main reason explaining that all the needed improvements of contemporary Russian constitutionalism could not be reached merely by revising the 1993 Russian Constitution.

Ключевые слова: конституционализм, правосознание, политико-правовая культура, правовой нигилизм, правовой идеализм, полномочия, общество, демократия, народ, суверенитет.

Key words: constitutionalism, legal consciousness, political and legal culture, legal nihilism, legal idealism, public powers, society, democracy, nation, sovereignty.

***Вводные замечания: взаимосвязь и соотношение конституционализма
и конституционного порядка***

Взаимосвязь конституционализма как явления с установленным основным законом страны конституционным порядком практически не вызывает сомнений: если исходить из того, что конституционный порядок представляет собой совокупность ценностно проникнутых идей и воззрений, лежащих в основе правопорядка в целом, то конституционализм, по сути, эмпирически представляет собой — до определенной степени — тождество с правопорядком конституционного государства.

Академик О. Е. Кутафин отмечал в связи с этим: «Для того, чтобы государство в полной мере подчинялось праву, нужны соответствующие гарантии. В своей совокупности они обеспечивают такую форму, такой способ организации государства, который может быть назван конституционным строем. <...> Следовательно, конституционный строй — это форма (или способ) организации государства, которая обеспечивает подчинение его праву и характеризует его как конституционное государство»¹.

---

¹ Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2014. С. 95.

Именно конституцией устанавливается система конституционно-правовых институтов, наличие и степень действенности которых в реальной жизни общества свидетельствуют о существовании правового, социального, демократического и, в конечном счете, конституционного государства, а значит, и конституционализма.

Полагаем, следует согласиться с профессором Н. С. Бондарем в том, что «господствующие в общественном сознании оценки конституции, уровень конституционной культуры в обществе и государстве, действенность идей конституционализма определяются в своей основе не самим по себе фактом наличия или отсутствия в государстве юридической конституции (основного закона) и даже не ее “возрастом” — есть значительно более важные, глубинные — социокультурные — истоки конституционализма»².

По мнению профессора И. А. Кравца, наличие самой конституции предопределяет реальное существование конституционализма во многом, но не во всем: «Хотя конституционализм основывается на конституции, самой конституции как правового акта, по всей вероятности, еще недостаточно, чтобы конституционализм стал фактом действительности»³.

Схожие взгляды выражены и многими другими известными учеными-современниками. Например, как полагал академик Б. Н. Топорнин, «правовая система может существовать без конституции, а конституция без правовой системы — невысказанное явление»⁴. С. А. Егоров указывает, что «в стране может наличествовать конституция, но может и не быть конституционализма, поскольку последний — это “совокупность таких социально-экономических, политических, правовых, психологических, этических, культурно-исторических и иных условий, при которых конституция функционирует как достаточно эффективный ограничитель государственной власти”. Там, где конституционализм является определяющей чертой политического режима, конституция первична — она как бы “предшествует” государственной власти, а лица, которые находятся у власти, связаны ее положениями как нормами верховного права»⁵.

Следовательно, конституционализм (особенно если принять во внимание опыт Великобритании и ряда других развитых государств, где отсутствует писаная конституция в виде единого документа с соответствующим названием) может существовать без конституции, но конституция без конституционализма лишена всякого смысла.

Нам представляется очевидным, что наличие конституции не определяет само по себе суть конституционализма и его качественный уровень; если сейчас в нашей стране по-прежнему — спустя четверть столетия после принятия действующей Конституции — определенные ее положения так и остаются нереализованными, то главные причины подобной ситуации следует искать вовсе не в тексте Основного закона.

Сегодня главная задача, как мы считаем, состоит в том, чтобы глубоко и продуманно, с учетом исторической судьбы и культурно-цивилизационных особенностей российского общества в достаточной степени развить те базовые ценности российской Конституции, которые являются фундаментом общественного согласия и солидарности (принцип приоритета прав человека, принцип разделения властей, равенство всех перед законом и судом и так далее).

Посему, и это наше убеждение, тем, кто активно отстаивает позицию о необходимости *полностью* переписать российскую Конституцию, применив так называемый *принцип tabula rasa*, следует вначале тщательно подумать о полноценной реализации ее правового потенциала, который, как справедливо отмечает уважаемый профессор В. Д. Зорькин, «во многом зависит от того, насколько верно будет определен баланс между стабилизационной и обновленческой функциями Конституции. В конечном счете это вопрос о разумных

² Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма, 2011. С. 24.

³ Кравец И. А. Конституционализм: устойчивость власти и общественного развития. Новосибирск: Изд-во ИФиПр СО РАН, 1994. С. 9–10.

⁴ Топорнин Б. Н. Конституционная реформа — путь к правовому государству // Советское государство и право. 1990. № 4. С. 4.

⁵ Егоров С. А. Конституционализм в США: политико-правовые аспекты. М.: Наука, 1993. С. 9–10.

и эффективных пределах, формах и способах адаптации высоких образцов современного конституционализма к очень сложным реалиям нашей российской жизни»⁶.

Полагаем важным обратить внимание на то, что статья 2 Конституции Российской Федерации содержит ключевое суждение о правовых ценностях современной России: человек, его права и свободы признаны высшей ценностью; в этой норме, таким образом, закрепляется главнейший аксиологический «*стержень*» действующего Основного закона страны; но в этой же норме содержится и интуитивно ощущаемый призыв к каждому — призыв об интерпретации с этих позиций всех без исключения правовых явлений общественной жизни, что, безусловно, придает и соответствующий аксиологически насыщенный фон российскому праву в целом.

Основная характеристика современного конституционализма с учетом нынешнего этапа развития человеческой цивилизации, тем самым, заключается в том, чтобы высший закон страны наиболее полно отражал систему фундаментальных ценностей гражданского общества и на практике гарантировал их устойчивость, надежную правовую защиту и воспроизводство.

В то же время очевидно, что конституция любого современного государства должна воплощать эту ценностную систему в совокупности с объективными особенностями конкретного исторического этапа в развитии общества, являться результатом общественного согласия вокруг основополагающих аксиологических доминант социального поведения как государства, так и личности.

Современный российский конституционализм и состояние правореализационной сферы: несколько тезисов о взаимоотношениях народа и государства

Изложенное выше позволяет нам утверждать: *конституционализм* — это не утопическое восприятие некоторых идей, обуславливающих необходимость конституционного регулирования общественных отношений; *конституционализм логичнее трактовать, во-первых, как проявление определенной конституционной культуры, адекватной осмыслению бытия данного социума; во-вторых, как системное и осознанное наличие в реальной общественной жизни конституционных ценностей, на которых базируется вся правовая система; в-третьих, как фундаментальный принцип, пользуясь выражением профессора В. Д. Зорькина, цивилизации права.*

Главное, что следует здесь учитывать, состоит в том, что конституционные ценности провозглашаются как имеющие высшую степень общественной важности, однако за этой важной стадией провозглашения и закрепления конституционных ценностей наступает не менее значимая: конституционные идеи должны быть воплощены в жизнь, практику общественного и государственного строительства; при этом необходимо иметь в виду, что обычно конституция закрепляет минимум, а остальное — это удел практики, в том числе и практико-нормативно-правового регулирования, и опыта конституционной герменевтики. Иными словами, далее наступает стадия, когда происходит своего рода «состязание» конституционных идей, конкуренция подходов в их интерпретации и в конкретных соционормативных способах их воплощения на подконституционном уровне нормотворчества⁷.

У нас возникает в связи с этим вполне резонный вопрос: кто конкретно должен заниматься реализацией конституционных идей? Думается, с нами согласятся, что ответ на него во многом зависит от качества политико-правового режима в государстве.

В первом приближении бесспорно то, что у процесса воплощения в жизнь конституционных идей и ценностей присутствует двойственное активное начало: с одной стороны, это народ, который посредством прямой демократии участвует в политической жизни государства, а с другой стороны, это органы публичной власти, реализующие эту самую власть в своей повседневной деятельности.

⁶ Зорькин В. Д. Проблемы конституционно-правового развития России (к 20-летию Конституции Российской Федерации) / Современный конституционализм: вызовы и перспективы: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2013 г.) / Отв. ред. В. Д. Зорькин. М.: Норма, 2014. С. 6–8.

⁷ Авакьян С. А. Конституционализм и бюрократизация власти // Вестник Моск. ун-та. Серия 11. Право. 2014. № 1. С. 62.

Как справедливо отмечает профессор С. А. Авакьян, «в истории конституционного нормотворчества можно наблюдать три метаморфозы относительно “власти народа”. Первая состоит в ее “идеализации”: закрепляем полноту власти за народом и верим в то, что он в состоянии ее осуществлять. Вторая — это своего рода “идеализм”, довольно быстро переходящий в идеологическое лицемерие: вполне понимаем, что народ не в состоянии осуществлять власть — это делают органы, и в лучшем случае главные из них формирует народ. Третья представляет собой некий гибрид: полагаем, что народ не в состоянии осуществлять власть, да и нельзя ему власть доверять, но “обижать” народ не хочется, поэтому провозглашаем, что власть принадлежит народу, но тут же добавляем — он ее осуществляет “в лице” своих органов»⁸.

Гармония в отношениях народа и органов публичной власти возможна при любом из названных вариантов, если народ доверяет сформированным им органам. К сожалению, не редкость и иной вид «гармонии» — когда появляется отчуждение народа от власти, компенсируемое в различной степени принуждением его со стороны представителей этой власти участвовать в делах государства, пусть даже и происходящим демократическим путем — посредством выборов.

То есть наступает ситуация, с одной стороны, идеологической обработки, а с другой — административного и часто негласного принуждения в отношении населения. Именно это обстоятельство, по всей видимости, дало основание профессору С. А. Авакьяну утверждать: «...порядок формирования органов власти упрощается до такой степени, что “народные” избранники уже не зависят от народа. В результате народное представительство как составная часть конституционализма разбивается о политические рифы, как морская волна прибоя, налетевшая на бетонные укрепления, и затем отступает в бессилии и разочаровании»⁹.

В результате нельзя не согласиться с мнением авторитетного коллеги, когда он отмечает, что именно из «понимания возможности появления таких “любителей” править странами, людьми и родилась известная идея конституционализма о естественном праве народа на сопротивление правителям, ввергающим в пучину бед своих сограждан: причем к этому стоило бы добавить и право на свержение таких правителей. Данный тезис не утратил актуальности и в наши дни, а все разглагольствования о том, что “нам не надо ни революций, ни контрреволюций”, разбиваются о простую истину: не справился, дискредитировал себя — уходи сам, не доводи народ до гнева»¹⁰.

Как же нам обеспечить рациональные сбалансированные взаимоотношения между народом и теми, кто является олицетворением власти? Как сделать так, чтобы конституционализм, смоделированный в нормах конституции государства, стал жизнью, содержанием правовых норм, продолжающих основной закон страны, способствовал диалогу и доверию между властью и народом, властью и обществом, подлинно составлял смысл деятельности органов публичной власти, граждан и их объединений?

Полагаем уместным, размышляя над сформулированными вопросами, вновь обратиться к соответствующим воззрениям профессора С. А. Авакьяна, который пишет: «Любой ветви власти — законодательной, исполнительной, судебной — неизбежно грозит со временем бюрократизация. Ее проявления заключаются в следующем: забота о себе и расширение своих льгот; увеличение круга своих прав, с одной стороны, и стремление сбросить “трудные” полномочия на чужие плечи — с другой; попытка уйти от ответственности перед другими органами и тем более народом... В итоге, какие бы прекрасные ни были идеи конституции, пришедшие к власти депутаты и чиновники создадут свой “конституционализм”. Его основные проявления будут состоять в том, чтобы законодательный орган власти наполнить депутатами, которых быстро могут сделать послушными, “карманными”, чтобы аппарат исполнительных органов пополнялся себе подобными, претендент на должность уже на стадии приема на работу был готов стать частью корпоративного сообщества, чьи интересы выше чаяний простых людей... для двух этих категорий будет совсем неплохо, если в судьи придут слабые профессионально люди...»¹¹

⁸ Авакьян С. А. Конституционализм и бюрократизация власти // Вестник Моск. ун-та. Серия 11. Право. 2014. № 1. С. 62.

⁹ Там же. С. 63.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 64.

Профессор С. А. Авакьян весьма саркастически оценивает тезис о том, что «современные государства все более и более становятся заботливыми по отношению к личности, что такова миссия государства»¹². Он пишет: «Думается, все дело в том, что надо или идти навстречу простым людям, или они перевернут мир своими бунтарскими выступлениями. Чтобы этого не произошло, как раз и рождается некий компромисс: богатство через государство помогает удовлетворению социальных нужд простых людей, а опять же государство вкупе с обществом так организует жизнь людей, чтобы они вели себя умеренно... Каждый субъект процесса не должен “перегибать палку”. Тогда и бюрократия сохранит свои позиции и “питательную среду” в государственном кармане, и идеи конституционализма будут проявляться в обществе — в относительной многопартийности, свободе слова, манифестаций и т. д.»¹³

На наш взгляд, проблема субъекта реализации конституционных идей и ценностей сводится, таким образом, не просто к применению конституции, а к формированию той социальной среды, в которой аксиологически насыщенный смысл основного закона воплощается каждым элементом этой системы как непереносимое условие ее существования. Это, пожалуй, единственная прошедшая испытание столетиями гарантия реализации конституционного порядка и стабильного развития общества на основе социального консенсуса и доверия.

Сказанное нами означает, что *для конституционализма крайне важно, чтобы конституция как основной правовой акт государства поддерживалась всем строем общественной и государственной жизни; конституционализм будет иметь успех лишь постольку и тогда, поскольку и когда он помогает развитию личности, созданию свободного и ответственного общества.*

Народ как непосредственный создатель реального облика российского конституционализма и конституционного правопорядка

Многим из нас очевидно, что продолжение модернизации России требует прочной правовой основы, но необходимо помнить, что невозможно навести порядок в стране исключительно с помощью юридических установлений; законодательство и общественные процессы должны развиваться синхронно и взаимосвязанно; важно иметь четкое представление «о пределах и реальных возможностях юридических законов, путях их воплощения в жизнь»¹⁴; посему бесконечно прав профессор С. А. Авакьян, посчитавший нужным отразить в заглавии одной из своих работ, что точкой отсчета в государственно-правовой жизни всегда, везде и на все времена выступает народ¹⁵.

Уважаемый профессор Б. С. Эбзеев также совершенно справедливо указывает: «Народ, понимаемый как общность, образуемая всей совокупностью граждан, обладающих избирательной правосубъектностью, выступает первичным субъектом конституционных правоотношений, в которых *обязанной стороной* являются государство, его органы и должностные лица. На этой идее, составляющей содержательную характеристику народного суверенитета, которая приобрела значение универсального для всякого демократического или претендующего на демократизм государства конституционного принципа, основывается конституционный правопорядок»¹⁶ (курсив наш. — Н.Д.).

Нам нельзя не отметить особым образом то обстоятельство, обращаясь более подробно к воззрениям нашего глубокоуважаемого коллеги профессора С. А. Авакьяна, в русле обозначенной выше проблематики, что ключевой идеей ученого выступает «смычка» двух базисных конституционных ценностей — *суверенитета и демократии*.

Профессор С. А. Авакьян, в частности, пишет, что «основой любого разговора о суверенитете является категория “народный суверенитет”. Что это? Если говорить иными, более ясными читателю словами, народ-

¹² Авакьян С. А. Конституционализм и бюрократизация власти... С. 65.

¹³ Там же.

¹⁴ Матузов Н. И. Правовой идеализм как оборотная сторона правового нигилизма // Государство и право. 2013. № 10. С. 12.

¹⁵ Авакьян С. А. Точка отсчета — народ // Российская газета. 2006. 26 октября.

¹⁶ Эбзеев Б. С. Народ, народный суверенитет и представительство: доктринальные основы и конституционная практика // Государство и право. 2016. № 4. С. 33.

ный суверенитет — это народовластие, принадлежность народу всей власти в обществе и государстве. Именно *полновластие народа* должно соединить такие понятия, как суверенитет и демократия. В конце концов изначально демократия и означает власть народа, а суверенитет позволяет придать этой власти такое качество, как верховенство — ничего нет и не может быть выше власти народа»¹⁷ (курсив наш. — Н. Д.).

Далее ученый уточняет свою позицию: «Не будем отрицать очевидное — до реальной власти народа нам еще далеко, а о своем — государственном — суверенитете обязано заботиться любое государство. Все так. Однако если мы хотим соединить две исторические ценности, суверенитет и демократию, следует говорить о великом достижении человечества — идее суверенитета народа, тем более, когда она нашла конституционное воплощение в России»¹⁸.

Таким образом, профессор С. А. Авакьян стремится подчеркнуть ***эсклюзивную роль народа как особого и единственного субъекта государственно-правовой жизни, который только и может как изначально, так и в конечном счете выступить историческим творцом судеб своей страны.***

При этом, как мы можем заключить, идея полновластия народа в суждениях профессора С. А. Авакьяна предстает в виде объективной, естественно-правовой (надпозитивной и надгосударственной) константы, закономерным итоговим выражением которой и является так называемое «*право народа на революцию*».

Следует признать, что сам ученый прямо о таком «*праве на революцию*» не говорит, однако он, анализируя угрозы народному суверенитету, например, отмечает, что «различные общественные силы могут возомнить себя единственными носителями суверенитета народа, выразителями его интересов. Через это наша страна уже проходила: была одна партия, видевшая в себе олицетворение народного суверенитета. Но почему-то ее печальный опыт не очень-то учитывается новыми политическими образованиями. Хотя записано в Конституции (статья 13), что “в Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность”, некоторым силам непременно хочется быть ведущими за счет обескровливания политических партнеров. Ничего хорошего в этом нет. Нам не нравилось, когда на выборы шли более 40 партий и движений, но мы настороженно воспринимаем и наличие так называемой правящей партии, особенно когда ее членами становятся губернаторы и прочий правящий “класс”, административный ресурс активно используется на выборах, оппозиция призрачна и состоит из партий-сателлитов»¹⁹.

Мы видим, что указание на «*печальный опыт*» КПСС в обсуждаемом нами контексте «*права на революцию*» представляется в достаточной степени объясняющим авторскую позицию профессора С. А. Авакьяна по поводу смысла идеи полновластия народа.

Точку зрения, имеющую иные смысловые основания и оттенки применительно к идеям полновластия народа и народного суверенитета, выражает уважаемый профессор Б. С. Эбзеев.

Ученый, в частности, отмечает: «...конституционализм не сомневается, что в условиях демократической правовой государственности верховенство и полновластие народа, его независимость от любой иной власти носят правовой характер. “Абсолютная” власть народа есть правовая власть, в действительности обусловленная фактическими условиями и реализуемая в установленных конституцией формах. Следовательно, “суверенная власть народа” не стоит над правом. Напротив, это — правовая власть, ограниченная в своих пределах правом и осуществляемая в строго правовых формах. Власть народа, оформленная конституционно, становится частью правового порядка, установленного конституцией. В этом смысл воспроизводимых практическим конституционализмом естественно-правовых представлений о надпозитивном праве»²⁰.

Далее он утверждает: «...конституционализм закрепляет демократию не в смысле господства народа, основой которого могла быть его единодушная воля; речь идет о рациональной организации политического процесса и обеспечении политического единства народа в условиях многопартийности и плюрализма. Это, в свою очередь, обуславливает конституирование основным законом не только прямой, но и представительной

¹⁷ Авакьян С. А. Точка отсчета — народ...

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Эбзеев Б. С. Указ. раб. С. 34.

демократии — равноценных по своему значению и занимаемому в системе демократии месту. <...> Именно такое понимание, основывающееся на отказе от интерпретации демократии как господства народа в смысле идентичной демократии, доминирует в европейском конституционализме и развивается доктриной Конституционного Суда РФ и отечественным государствоведением в целом»²¹.

Давайте согласимся, что приведенные выше суждения, позиции по вопросу о понимании народного суверенитета и его пределов в русле проблематики демократии, сформулированные профессорами С. А. Авакьяном и Б. С. Эбзеевым, довольно ощутимо различаются.

Вместе с тем едва ли было бы оправданным считать, что, например, С. А. Авакьян, широко понимающий социокультурные основания и, как результат, пределы народного суверенитета, ратует за его абсолютизацию, вплоть до оправдания антиконституционных сценариев реализации народом своего полномочия.

Точно так же у нас нет поводов предполагать, что Б. С. Эбзеев, говоря о правовых рамках реализации «суверенной власти народа» и подчеркивая ее подчиненный праву характер, имеет в виду право лишь как комплекс формализованных норм поведения: существование разницы между правом и законом к настоящему времени убедительно доказано философами и теоретиками права, и, не учитывая профессор Б. С. Эбзеев в своих рассуждениях этого обстоятельства, не было бы в его работе никаких, даже малейших, упоминаний о естественно-правовых идеях надпозитивного права и тому подобного.

Следовательно, на наш взгляд, точки зрения наших глубокоуважаемых коллег профессоров С. А. Авакьяна и Б. С. Эбзеева, на которые следует опираться в концептуальном осмыслении проблематики народного суверенитета и народовластия, хотя и не совпадают, но всё же не так далеки друг от друга, как могло бы показаться на первый взгляд.

Полагаем, в свете изложенных доводов не остается никаких сомнений в том, что оба ученых, прежде всего, рассматривают проблематику народовластия и народного суверенитета как правовых явлений, исходят из того, что ни один антиправовой феномен ни по существу, ни по формальным признакам не может и не должен трактоваться в качестве служащего выражением этих сложнейших и в то же время крайне ценных принципов современной человеческой цивилизации — цивилизации права, если в очередной раз прибегнуть к терминологии профессора В. Д. Зорькина²².

И здесь у нас возникает нетривиальный вопрос: где же находится та грань, на пересечении которой народовластие и народный суверенитет, будучи по своей природе и сущности явлениями сугубо правовыми, рискуют переродиться в нечто антиправовое, противное самим основам мирного и созидательного социального бытия?

По нашему глубокому убеждению, эта грань может быть обнаружена, в первую очередь, посредством обращения к проблематике правосознания и правовой культуры, поскольку именно эти социоюридические феномены определяют тональность правовых переживаний, интерпретаций и действий в повседневной жизни людей, именно они задают планку нормальности в границах юридического быта и именно от них, от их качества зависит степень и глубина нетерпимости обществом каких бы то ни было форм произвола, дискриминации и ущемлений.

***Правосознание и правовая культура народа как факторы
онтологической конституционализации российского правового порядка:***

от насущных вопросов к очевидным результатам

Нам, в обозначенном выше контексте, представляется уместным и немаловажным обратиться, прежде всего, к соответствующим исследованиям И. А. Ильина, поскольку именно учение о правосознании занимает одно из центральных мест в научном наследии этого крупного российского философа и юриста.

²¹ Эбзеев Б. С. Указ. раб. С. 34–35.

²² Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России: монография. М., 2015. 320 с.

Вообще, правосознанию И. А. Ильин придавал особое значение и особую роль в качестве жизненной среды для государственно-правовых явлений.

Свое видение ученый противопоставлял концепции о «внешней» природе права и государства, отмечая при этом: «...должна быть усмотрена и усвоена их “внутренняя”, душевно-духовная сущность. Право только “проявляется” во внешнем, пространственно-телесном мире; сферой же его настоящей жизни и действия остается человеческая душа, в которой оно выступает с силой объективной ценности. Государство в своем осуществлении “предполагает” наличность множества телесно разъединенных людей, теорий и внешних вещей; но именно человеческая душа остается той средой, в которой зарождается, зреет, протекает — и государственная жизнь индивидуума, и жизнь государства как единого целого. <...> Усмотреть наличность, достоинство и компетентность нормального правосознания — значит найти путь для разрешения всех основных жизненных затруднений, вытекающих из природы права и создающих немало теоретических споров и даже “антиномий” в юридической науке»²³.

В обоснование представленных тезисов И. А. Ильин приводит ряд аргументов.

Во-первых, по Ильину, правосознание является связующим звеном между «внешним порядком» и «внутренними состояниями духа», средством создания «внешнего порядка» через «внутреннюю упорядоченность души». «Оно (право. — Н. Д.), — утверждает ученый, — живет правосознанием и исполняет свое значение тем лучше, чем правосознание зрелее и совершеннее»²⁴.

Во-вторых, по мнению И. А. Ильина, правосознание является той призмой, преломляясь через которую абстрактные правовые нормы получают свою справедливую реализацию: «Восприятие конкретной данности должно быть актом художественной справедливости; понимание отвлеченного правила должно покоиться на созерцании безусловной цели права... Но акт художественной справедливости и созерцание безусловной цели права могут быть доступны только нормальному правосознанию»²⁵.

Третий аргумент, предлагаемый И. А. Ильиным, по своему смыслу сводится к тому, что духовно здоровое, творческое правосознание является носителем основных духовных ценностей, которые присущи естественному праву. Ученый ведет речь о «творческом признании права» — таком признании, «которое, действительно, усматривает его духовное достоинство, соблюдает свободу признающего духа и, в то же время, вливает энергию личной воли в преобразование положительного права; это признание получает значение правотворчества: обновление права родится из той самой глубины, которая усматривает и знает его безусловное достоинство, так что признание получает форму борьбы за право, а борьба за новое право не колеблет духовного признания»²⁶.

В-четвертых, в здоровом и верном правосознании И. А. Ильин усматривает связующую силу, обеспечивающую органическое единство автономии, присущей природе человеческого духа, с одной стороны, и гетерономного порядка властвования — с другой. «Отвергнуть автономию личного духа, — утверждает И. А. Ильин, — значит нарушить цель права и подорвать его жизненную силу, отвергнуть власть, значит разрушить средства, необходимые для этой цели, и пути, по которым эта сила идет к осуществлению... Индивидуальный дух должен влить свою автономию в строение и деятельность власти; а власть должна усмотреть в духовной автономии форму своего бытия, принцип своей жизни и цель своего дела»²⁷.

В-пятых, по мнению И. А. Ильина, право, представляя собой по природе «явление духовной солидарности, связующей человека с человеком... может существовать и действовать в жизни людей только тогда, если они чувствуют и понимают свою солидарность, т. е. не только сходство своих эгоистических влечений, но свою одинаковую заинтересованность в поддержании единого и общего всем порядка»²⁸. Именно поэтому задача

²³ Ильин И. А. О сущности правосознания / Подг. текста и вступ. статья И. Н. Смирнова. М.: Рарогъ, 1993. С. 211, 229.

²⁴ Там же. С. 229.

²⁵ Там же. С. 230.

²⁶ Там же. С. 231.

²⁷ Там же. С. 232.

²⁸ Там же. С. 232–233.

людей, обладающих здоровым и зрелым правосознанием, видится И. А. Ильину в том, чтобы превращать всякий компромисс, достигнутый в ходе социальной борьбы, в «явление правовой солидарности».

Наконец, **в-шестых**, именно в «нормальном правосознании» И. А. Ильин видит средство практического достижения естественно-правовых идеалов «всемирного естественного братства людей» на фоне общемировых исторических процессов «замыкания разобщенных правовых организаций», «противопоставления государства государству», международных войн. Разрешается это затруднение через «верное понимание природы духа и природы государства: это разрешение утверждает патриотизм как верное состояние духа, как необходимую основу духовного интернационализма и как живой, действительный путь к положительно-правовой организации международного братства. Здоровое правосознание не только не отвергает государственного образа мыслей и патриотического чувства, но культивирует эти состояния как безусловно ценные и необходимые — не только для индивидуума, но и для государства, и не только для отдельного государства, но и для всего человечества в целом»²⁹.

Следует особо подчеркнуть, что в своих рассуждениях о нравственных основаниях государственно-правовой жизни И. А. Ильин проявлял удивительную прозорливость. Он считал, что, *не имея прочной основы в морально-нравственной сфере, в духовной жизни людей, право обречено потерпеть крах, а общество — прийти к потрясениям.*

По точному замечанию профессора В. Д. Зорькина, можно было бы «привести множество высказываний современных философов и социологов, подчеркивающих, что право может быть действенно лишь в той мере, в какой ему удастся получить социальное признание (Пьер Бурдьё), что право должно быть способно доказать собственную легитимность в глазах граждан, обладающих во всех других отношениях разными взглядами (Юрген Хабермас) и т. д. Вряд ли кто-то будет сейчас спорить с тем, что эффективной является такая правовая система, которая обеспечивает легитимность правоустановления и правоприменения (включая толкование закона) в глазах большинства населения»³⁰.

По приведенным выше тезисам И. А. Ильина несложно проследить, каким образом правосознание (как часть и как фактор правовой культуры) детерминирует народовластие и, как результат, народный суверенитет в парадигме взаимодействий общества и государства.

В суждениях И. А. Ильина отчетливо усматриваются основания и для определения понятия «народ», и для осмысления идей правовой и, более емко, социальной солидарности как общего смыслового контекста, в рамках которого протекает государственно-правовая жизнь народа, и для уяснения того обстоятельства, что искаженное, деформированное в сторону идеализма или нигилизма правосознание (в его восхождении от индивидуального к массовому) способно очень просто привести к крушению правовых принципов, к перерождению народовластия и народного суверенитета в нечто фиктивное или, в худшем случае, антиправовое.

При этом отметим, что воззрения И. А. Ильина весьма определенно (только будучи излагаемы другими словами) коррелируют с соответствующими тезисами, которые сформулированы нашими глубокоуважаемыми коллегами профессорами С. А. Авакьяном и Б. С. Эбзеевым и которые нами частично уже приводились выше.

Полагаем важным обратить внимание на тот факт, что сейчас в нашей стране массовое правосознание по-прежнему нередко воспринимает в качестве нормы общественного бытия либо правовой идеализм, либо, что хуже, правовой нигилизм, — и этому посвящено достаточное количество весьма обстоятельных исследований³¹.

²⁹ Ильин И. А. О сущности правосознания... С. 233.

³⁰ Зорькин В. Д. Цивилизация права... С. 16.

³¹ См., напр.: Белкин Л. М. Генезис правового нигилизма в контексте теорий бюрократизма // Государство и право. 2013. С. 13–22; Матузов Н. И. Правовой идеализм как оборотная сторона правового нигилизма // Государство и право. 2013. № 10. С. 5–12; Он же. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. 1994. № 2. С. 3–16; Он же. Правовой нигилизм как образ жизни // Право и политика. 2012. № 12. С. 2080–2089; Соловьев Э. Ю. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинтэссенция: Философский альманах. М., 1990. С. 162–235; Туманов В. А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. 1993. № 8. С. 52–58; и др.

Нам представляется вполне логичным утверждение И. А. Ильина о том, что именно правосознание определяет действительное бытие права, его восприятие и действенность: деформации правосознания не только детерминируют отношение самого народа к тезису о верховенстве его власти, но и влекут соответствующие изменения в системе взаимодействий общества и государства, актуализируя тем самым сообразно наличным социальным практикам и политико-правовой режим, пусть даже и искаженный по сравнению с конституционно провозглашенными идеалами.

***В заключение — о преодолении дистанции между конституционным должным
и политико-правовыми реалиями сущего***

Всё вышеизложенное лишь дополнительно утверждает нас во мнении о том, что *современный российский конституционализм по ряду ключевых признаков в полном смысле конституционализмом пока не является, несмотря на декларирование уважения к Основному закону страны и нарочито подчеркнутый либерально-демократический характер официальной риторики.*

Проблемы укрепления конституционализма довольно активно ставятся и обсуждаются и в академической среде, и политиками, однако пока практической пользы от таких дискуссий не особенно видно. Но, безусловно, смысл в обсуждениях имеется, заключаясь, прежде всего, в адекватной оценке «узких мест» в реализации аксиологических доминант действующей российской Конституции.

Вместе с тем необходимо особо обратить внимание на то, что у довольно обширной части населения на протяжении ряда лет ощутимо уменьшается уровень доверия к власти. Почему?

Например, уважаемый профессор С. А. Авакьян называет ряд причин, с которыми едва ли возможно не согласиться:

во-первых, государство в лице своих органов не вполне удовлетворительно выполняет свои задачи.

«Годы потери мощи государства, откровенная ориентация на ввоз товаров из-за рубежа вместо своего производства, концентрация экспорта на вывозе энергоресурсов, вложение заработанных на этом денег в зарубежные ценные бумаги, в результате чего страна оказалась на чужом крючке, особенно после вступления в ВТО, существенная утрата под влиянием западных “ценностей” патриотической составляющей в нашей государственности привели к печальным результатам. Нами стали помыкать, стараются сделать всё более зависимыми от внешних факторов. Стремление нашего Президента отстаивать самостоятельность государства, полностью одобряемое народом, ведет к откровенным хотя и не вооруженным, но вполне агрессивным действиям против России... К тому же и социальные задачи государство реализует не лучшим способом. Процветает коррупция. У граждан нет уверенности, что их личная жизнь находится в безопасности, а персональные данные составляют тайну, правоохранительным органам мало кто верит»³²;

во-вторых, неуклонно возрастает бюрократизация государства и его систем. Профессиональное чиновничество «неуклонно заменяется в России формированием касты управляющих — не всегда (мягко говоря) компетентных, но неуклонно остающихся у власти, только лишь перемещающихся из одного кресла на другое. Реально вновь возрождено то, что в советский период называли *номенклатурой*, иначе говоря, одни и те же люди беспрестанно крутятся в карусели, именуемой властью»³³;

в-третьих, так называемая «*приватизация*» государства, сводящаяся к весьма линейной «*философии*»: «долго пользоваться благами власти и отдавать в частные руки то, что по праву, через государство, принадлежит всему народу»³⁴.

К сожалению, на наш взгляд, результаты анализа практики современного российского конституционализма неутешительны: текущая ситуация в конституционно-правовой сфере характеризуется лишь фраг-

³² Авакьян С. А. Российский конституционализм: несколько тезисов о неотложных задачах // Юридический мир. 2015. № 2. С. 23.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 24.

ментарным воплощением конституционных ценностей и идей, что отнюдь не может являться поводом для эйфории — велик риск впасть в крайности правового идеализма.

Это мнение поддерживают многие современные конституционалисты. Так, М. В. Глигич-Золотарева отмечает: «Сегодня, как, впрочем, и в начале XX века, наблюдается сходная по своим признакам и последствиям эрозия основных дефиниций публичного права... системный кризис традиционных государственных институций, в корне которого лежит несоответствие “трех китов” современного общества и государства — демократии, парламентаризма и разделения властей — реалиям интенсивно меняющегося мира»³⁵.

Следует особенно подчеркнуть, что базис такого несоответствия, по всей вероятности, проистекает из несовершенства текста (но не духа) действующей российской Конституции, что и становится причиной ее системно небезупречного истолкования в разных ипостасях правореализации (включая правоприменение).

На этот фактор несовершенства конституционного текста совершенно точно обращает внимание в одной из своих публикаций профессор В. Д. Зорькин, когда утверждает: «Разумеется, у нашей Конституции есть недостатки. В их числе отсутствие должного баланса в системе сдержек и противовесов, крен в пользу исполнительной ветви власти, недостаточная четкость в распределении полномочий между президентом и правительством, в определении статуса администрации президента и полномочий прокуратуры. Конструкция ст. 12 Конституции дает повод к противопоставлению органов местного самоуправления органам государственной власти (в том числе представительным органам государственной власти), в то время как органы местного самоуправления по своей природе являются лишь нижним, локальным звеном публичной власти в Российской Федерации. <...> Недостатки существуют и в разграничении предметов ведения и полномочий между Федерацией и ее субъектами»³⁶.

К нашему глубокому огорчению, сложившаяся реальность — в первую очередь, результат системного нарушения конституционного баланса в общественной практике; его следует безотлагательно начать восстанавливать, ибо очевидность наличия системного дефицита конституционализма в реальной жизни означает не что иное, как фактически не обеспечиваемое верховенство основного закона государства. То, что делается сегодня в данном направлении Конституционным Судом России и немногочисленными фактически работающими конституционными (уставными) судами субъектов Российской Федерации, всё же во многом имеет дискретный характер, что связано с конкретикой конституционного нормоконтроля и конституционной герменевтики, а потому может иметь лишь фрагментарные эффекты: «...не обеспечивает необходимой последовательности и системной непрерывности в выявлении, оценке и восстановлении нарушенного конституционного баланса в обществе, обеспечении конституционализма в соответствии с конституционной культурой нового тысячелетия»³⁷.

Мы убеждены посему, что в контексте данного вывода призывы «начать всё с чистого листа», переписав конституцию страны, поступить по принципу *tabula rasa* не выдерживают никакой критики.

Если говорить об исторических мерках, то, безусловно, прав профессор В. Д. Зорькин, когда утверждает, что в любом случае «нам придется восстанавливать право. Причем именно на общечеловеческом уровне. И вот когда мы вернемся к построению права как одной из основ подлинно человеческого бытия, мы обязательно должны будем задаться вопросом, а не находится ли в основе основ нынешнего бесправия принцип табула раса, не лежит ли в его основе какая-то ужасная теоретическая ошибка, породившая перерождение современной западной цивилизации? Или по крайней мере поспособствовавшая этому перерождению? (курсив наш. — Н. Д.)»³⁸.

³⁵ Глигич-Золотарева М. В. Верификация дефиниций конституционной науки vs. «увлечение общими местами» // Политика и Общество. 2009. № 5. С. 4.

³⁶ Зорькин В. Д. Буква и дух Конституции // Рос. газета. 2018. 10 октября.

³⁷ Арутюнян Г. Г. Современный конституционализм: парадигмы реальности и вызовы // Современный конституционализм: вызовы и перспективы: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2013 г.) / Отв. ред. В. Д. Зорькин. М.: Норма, 2014. С. 28.

³⁸ Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России... С. 188.

Вот почему в современном подконституционном правотворчестве мы должны еще до принятия тех или иных нормативных решений внимательно исследовать реальные общечеловеческие ценности и потребности; на пути преодоления разрыва между формально закрепленной моделью российского конституционализма и наличными политико-правовыми практиками в государстве **необходимо бережно учитывать и использовать сохранившиеся в российском обществе неписанные нормы моральной регуляции, которые способны реально восполнить всё еще недостаточную эффективность законодательного нормирования**: в правовом государстве любая норма права должна проявляться как элемент конституционно согласованной системы правового и нравственного поведения человека и власти.

Как отмечает профессор С. А. Авакьян, «в нашем конституционном фундаменте не отражена еще одна очень важная составляющая — долг каждого из нас перед государством, обществом, окружающим миром»³⁹. После принятия в 1993 году Конституции России многое в общественно-политической жизни стало чрезмерно фокусироваться вокруг положений статьи 2: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства»... Однако есть ведь и ответные слова, которые следует адресовать индивиду. Их немного, но какие же они емкие: *ответственность, обязанности; патриотизм*»⁴⁰.

Таким образом, *парадигма российского конституционализма предполагает и усиление аксиологической роли таких постулатов, как: гражданство обязывает, собственность обязывает, совесть обязывает.*

Мы утверждаем, что **конституционализм необходимо воспринимать не только и не столько как один из принципов конституционного права, а более широко — как фундаментальный и реально действующий принцип правовой регуляции жизни современного общества; конституционализм** определяет суть взаимосогласованного поведения членов социума, характер осмысленного существования государств и наций во времени, уровень зрелости общественных отношений и качества их правового регулирования; **конституционализм** — *в первую очередь, идеал цивилизованного саморегулирования, к чему и должно стремиться современное Российское государство.*

Мы убеждены, однако, при всех отмеченных выше недостатках и системном дисбалансе современного российского конституционализма, причины такого положения дел не следует искать лишь в тексте самой Конституции.

Мы не сомневаемся, что в данном контексте *долгий и неимоверно тернистый путь преодоления разрыва между формально провозглашенными конституционными ценностями и их реальным воплощением — дело выстраивания аксиологически адекватного политико-правового режима в стране, который в силу самих своих ценностных оснований, прочно коренящихся в нравственных и моральных устоях российского народа, смог бы стать полноценной гарантией защиты конституционного строя современной России.*

Dobrynin N. M.

Legal awareness and legal culture of the people as factors of ontological constitutionalization of the Russian legal order: the author's view on the theory and practice of

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакьян С. А. Конституционализм и бюрократизация власти // Вестник Моск. ун-та. Серия 11. Право. 2014. № 1. С. 60–66.
2. Авакьян С. А. Российский конституционализм: несколько тезисов о неотложных задачах // Юридический мир. 2015. № 2. С. 23–30.
3. Авакьян С. А. Точка отсчета — народ // Российская газета. 2006. 26 октября.
4. Арутюнян Г. Г. Современный конституционализм: парадигмы реальности и вызовы // Современный конституционализм: вызовы и перспективы: Материалы международной научно-практической конференции, по-

³⁹ Авакьян С. А. Российский конституционализм... С. 28–29.

⁴⁰ Там же. С. 29.

- священной 20-летию Конституции Российской Федерации (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2013 г.) / Отв. ред. В. Д. Зорькин. М.: Норма, 2014. С. 25–35.
5. *Белкин Л. М.* Генезис правового нигилизма в контексте теорий бюрократизма // Государство и право. 2013. С. 13–22.
  6. *Бондарь Н. С.* Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма, 2011. 544 с.
  7. *Глигич-Золотарева М. В.* Верификация дефиниций конституционной науки vs. «увлечение общими местами» // Политика и Общество. 2009. № 5. С. 4–10.
  8. *Егоров С. А.* Конституционализм в США: политико-правовые аспекты. М.: Наука, 1993. 198 с.
  9. *Зорькин В. Д.* Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. 10 октября.
  10. *Зорькин В. Д.* Проблемы конституционно-правового развития России (к 20-летию Конституции Российской Федерации) / Современный конституционализм: вызовы и перспективы: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2013 г.) / Отв. ред. В. Д. Зорькин. М.: Норма, 2014. С. 5–24.
  11. *Зорькин В. Д.* Цивилизация права и развитие России: монография. М., 2015. 320 с.
  12. *Ильин И. А.* О сущности правосознания / Подг. текста и вступ. статья И. Н. Смирнова. М.: Парогъ, 1993. 235 с.
  13. *Козлова Е. И., Кутафин О. Е.* Конституционное право России: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2014. 592 с.
  14. *Кравец И. А.* Конституционализм: устойчивость власти и общественного развития. Новосибирск: Изд-во ИФиПр СО РАН, 1994. 21 с.
  15. *Матузов Н. И.* Правовой идеализм как оборотная сторона правового нигилизма // Государство и право. 2013. № 10. С. 5–12.
  16. *Матузов Н. И.* Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. 1994. № 2. С. 3–16.
  17. *Матузов Н. И.* Правовой нигилизм как образ жизни // Право и политика. 2012. № 12. С. 2080–2089.
  18. *Соловьев Э. Ю.* Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинтэссенция: Философский альманах. М., 1990. С. 162–235.
  19. *Топорнин Б. Н.* Конституционная реформа — путь к правовому государству // Советское государство и право. 1990. № 4. С. 3–21.
  20. *Туманов В. А.* Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. 1993. № 8. С. 52–58.
  21. *Эбзеев Б. С.* Народ, народный суверенитет и представительство: доктринальные основы и конституционная практика // Государство и право. 2016. № 4. С. 32–44.

**СИСТЕМА ДОЛГОВРЕМЕННОГО УХОДА ЗА ГРАЖДАНАМИ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА И ИНВАЛИДАМИ
ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ: ОПЫТ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ**

П. Н. Байматов,
доцент кафедры трудового права
и предпринимательства ИГиП ТюмГУ,
Baymatov.pavel@yandex.ru
Научный руководитель:
Н. М. Добрынин,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры конституционного
и муниципального права ИГиП ТюмГУ,
доктор юридических наук, профессор

Статьей 7 Конституции Российской Федерации определено, что Российская Федерация является социальным государством. На практике это означает направленность политики государства на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Центральное значение в проведении назван-